

ONCE MORE ON THE IAZAMATAE

by V. B. Vinogradov

The Azov tribe of Iazamatae (Ixbatae) is often mentioned by ancient authors of the VI century B. C. to the II century A. D. The widely assepted version of the Sauromatian origin of the Iazamatae and their habitat between the lower courses of the Tanais (Don) and Lake Maeotis (the Sea of Azov) was recently opposed by I. S. Kamenetsky, who not only defends the hypothesis that the Iazamatae were ethnically Maeotian but proposes to place their early habitat near modern Novorossisk (on the Black Sea coast), from which region they migrated, in two stages, north to the Don. Kamenetsky bases his conclusions primarily on the evidence of Hecataeus, Polyaeus and Pseudo-Scymnus. Careful study of these and other sources exposes the one-sidedness of Kamenetsky's handling of the evidence. It becomes clear that in the classical and early Hellenistic periods «Maeotae» was collective tribal (ethnic) designation embracing the whole of the population round Lake Maeotis. It is just in this sense that Ephorus, Demetrius and the sources of Polyaeus call the Iazamatae a «Maeotian tribe». The idea that the Iazamatae inhabited the Black Sea coast will not withstand criticism either because it is based on an unsound and partial treatment of certain data which, in the author's opinion, conflict with facts given in the works of ancient authors.

The results of this study favour the Sauromatian version of the ethnic connections of the Iazamatae and the traditional localisation of their habitat as the only possible one, given the present state of our information; in the process it has been possible to fill out the history of the tribe with some additional details.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ, Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья, МИА, № 178, 1971, 286 стр., I—XXXVII табл.

Книга, которой посвящена настоящая рецензия, является последним крупным трудом Николая Ивановича Сокольского, видного советского археолога-антиковеда, недавно скончавшегося в расцвете творческих сил.

Давно не было работы, столь всеобъемлюще и полно осветившей такую важнейшую отрасль производства в античном обществе, как деревообработка. По глубине исследования, по широте охвата привлекаемого материала и разнообразию источников книга Н. И. Сокольского будет многие годы служить ценнейшим исследованием вопроса о роли и значении деревообработки не только в античных центрах юга нашей страны, но и во всем античном мире.

Основная задача, поставленная автором, — изучение деревообработки и хозяйственно-экономической роли дерева в одном из крупных районов античного мира — в городах Северного Причерноморья — полностью решена. Но значение этой работы гораздо шире намеченных автором рамок, поскольку исследование ведется на фоне развития ремесла во всем Средиземноморье и разрабатывается не узко технически, а исторически.

Автор проделал огромную работу по систематизации и всестороннему исследованию хранящихся в музеях нашей страны коллекций античных предметов из курганов и склепов.

С исчерпывающей полнотой изучены материалы по Ольвии, Херсонесу, Северо-Западному Крыму, Боспору с его округой, включая Танаис. Много новых данных по деревообработке получено Н. И. Сокольским при проведении раскопок на Таманском полуострове. Привлекаются также находки из Египта, Галлии, Италии данные эпиграфики, нумизматики, памятники античного искусства. Автор стремится опровергнуть представление о застойном характере деревообработки в античную эпоху, полагая, что развитие технических приемов шло параллельно с усовершенствованием орудий труда из железа и подтверждая это положение рядом примеров.

Книга состоит из введения, девяти глав, заключения, 37 таблиц и приложения. В тексте много рисунков, чертежей и реконструкций. Каждая глава снабжена обстоятельными примечаниями, в которых даются подробные сведения о материалах и источниках, использованных в книге.

В первой главе детально разработан вопрос о сырьевой базе деревообработки, рассматривается топография лесных массивов вблизи античных центров, намечается территория, откуда Боспор мог получать древесину — от устья Днепра до Азовского западного побережья. Автор широко привлекает результаты микроскопического анализа пород древесины и углей, и опираясь на свидетельства античных авторов, делает выводы об изменении лесного покрова южной зоны степей в различные периоды.

Н. И. Сокольский отмечает роль древесины в торговом балансе и подчеркивает, что обладание лесными запасами влияло на решение некоторых политических вопросов. Так, например, политика Боспора по отношению к Синдике и Феодосии, по мнению автора, предусматривала захват лесных районов. В этой главе охарактеризованы различные виды первоначальной обработки дерева, способы транспортировки древесины и на основе данных эпиграфики сделана попытка наметить сырьевые районы Боспора. Н. И. Сокольский считает, что смолу и воск с Кавказа перевозили в глиняных пифосах. Соглашаясь с этим предположением, мы, видимо, должны отнести эти транспортировки к концу VI—IV вв. до н. э., поскольку именно этим временем датируются находимые при раскопках пифосы. Колхидские пифосы на Боспоре более позднего времени не обнаружены, но значит ли это, что в эпоху эллинизма ввоз смолы прекратился? На основании лишь находок пифосов этот вопрос нельзя решить.

Во второй главе — о плотницком ремесле — по существу рассматриваются постройки городов Северного Причерноморья. Автор показывает, насколько разнообразны деревянные конструкции зданий, оборонительных укреплений, сельскохозяйственных и погребальных сооружений. Плотницкие работы велись при постройке рычагов, блоков, катков, салазков, водопровода, который, возможно, как и в Херсонесе, был сложен из деревянных труб. Н. И. Сокольский привлекает материалы из Ольвии ранней поры, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Илурата и доводит свои наблюдения над плотницким делом в этих центрах до конца античной эпохи. На основании свидетельств древних авторов и подводных археологических находок автор дает краткий очерк истории флота городов Северного Причерноморья, пробуя реконструировать типы оснастки кораблей, предполагает наличие верфей не только в Пантикапее, но и в других городах. В последнем разделе второй главы говорится об участии плотников в постройке военных машин.

Третья глава посвящена столярному делу. Автор предполагает, что в ранний период у греков не было строгого разделения между понятиями «плотник» и «столяр», однако в Риме уже вырабатывается более расчлененная терминология, отразившая, по-видимому, усложнение обработки дерева. В этой главе приведены материалы раскопок не только городов и некрополей Северного Причерноморья, но Греции и Рима. Н. И. Сокольский устанавливает типы ложа, кресел, столов для различных эпох, отмечает изменение декоративных мотивов в украшении мебели, различия в технике резьбы и в стиле костяных накладок, привлекает рисунки на вазах, терракотовые статуэтки, боспорские надгробия, тем самым подтверждая мысль о довольно высоком уровне производства мебели в государствах Северного Причерноморья.

Для характеристики техники и приемов столярного ремесла привлечение только мебели, считает автор, недостаточно и поэтому он обращается к рассмотрению многочисленных деревянных саркофагов, прослеживая технологию их изготовления, в частности, украшений в виде позолоченных фигур или янтарных накладок, как, например, в саркофаге из кургана Трех братьев, открытом в 1967 г. Изучая этот саркофаг, Н. И. Сокольский установил, что мастер пометил доски буквами и сделал сундук, а затем продал его боспорскому жителю, который использовал сундук как саркофаг. При описании саркофагов I—II вв. н. э. автор отмечает широкое распространение саркофагов с пилястрами, с арочками и саркофагов с колонками (без арочек). Одновременно местные мастера изготавливали саркофаги, украшенные росписью и накладными орнаментами из стружек. Детальное изучение саркофагов и их остатков привело Н. И. Сокольского к заключению, что в Пантикапее в первой половине I в. н. э. существовало не менее четырех столярных мастерских, специализировавшихся на изготовлении отдельных видов саркофагов¹.

После обстоятельного анализа основных столярных изделий автор останавливается на таких, как ларцы, шкатулки, грести и прочих предметах обихода. Широкое использование материалов из раскопок Ольвии, Херсонеса, Боспорской хоры и скиф-

¹ Подробнее см. Н. И. Соколовский, *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*, М., 1969, САИ, Г1-17, стр. 85.

ских курганов, например Мелитопольского, а также из погребений в степях Украины и Кубани позволило рассмотреть эти изделия в качестве товарной продукции. О тщательной работе Н. И. Сокольского по классификации шкатулок можно судить по тому, что среди шкатулок I—IV вв. н. э. с выдвижной крышкой он выделяет три группы, а внутри группы насчитывает до 14 разновидностей.

Впервые систематизированы и изучены деревянные и костяные гребни из античных городов юга нашей страны. Автор особенно выделяет продукцию одной боспорской гребнеделательной мастерской и считает, что гребни изготавливались для продажи. Выделена интересная группа подарочных гребней. Это лучшие среди античных гребней; на одном из них, хранящемся в Керченском музее, имеется клеймо мастера Максима. На наш взгляд, этот раздел можно было бы дополнить разбором деревянных частей оружия, таких, как ножны мечей, колчаны, гориты щитов, древки стрел, копий, дротиков.

Короткая четвертая глава посвящена экипажному производству. О широком применении повозок на Боспоре известно из сообщений Страбона и Диодора; о том же свидетельствуют многочисленные археологические находки и среди них такие, как, например, глиняные игрушки — в некотором смысле модели действительно существовавших повозок. Исследуя собранный материал, автор дает классификацию видов повозок, на основании отдельных находок пытается реконструировать основные части повозок. На примере одной находки — колеса из Кеп — Н. И. Сокольский прослеживает технику изготовления колес на Боспоре и заключает, что уже в I в. н. э. широко применялось вытачивание ступиц и спиц для колес, а на основании сведений Демосфена о вывозе хлеба и рассказа Диодора о походе Сатира автор устанавливает число ежегодно изготавливавшихся повозок — оно достигало 1000. Нам представляется верным вывод автора о том, что число колесных транспортных средств на Боспоре было большим, чем в материковой Греции. Это обусловлено многими факторами. Влияние скифов сказалось, по-видимому, в распространении крытых повозок.

В пятой главе автор рассматривает инструменты, употреблявшиеся в столярно-плотницком деле. Подлинных инструментов, орудий труда из-за плохой сохранности найдено при раскопках очень мало. Здесь автор уделяет внимание таким видам орудий, как топоры, тесла, долота и молотки, пилы, сверла, буравы, лапонец, рубанки, начало применения которых автор относит к IV в. до н. э. Н. И. Сокольский отмечает, что деревообрабатывающие инструменты были привозными, но в I в. н. э. ввоз инструментов сократился ввиду развития местной металлургии. На наш взгляд, вывод этот несколько преждевременен, поскольку нет точных сведений относительно развития металлообработки в ранний период истории античных центров, хотя при раскопках уже обнаружены материалы, позволяющие говорить о наличии металлургии в Пантикапее уже с конца VI в. до н. э. Не исключено, что некоторые инструменты, например, топоры, мотыги, долота, могли изготавливаться здесь; открытие в Пантикапее оружейной мастерской и кузнечного очага-горна конца VI в. до н. э. дает основание говорить о раннем развитии металлообработки.

В этом разделе книги автор показывает, насколько важно не пренебрегать косвенными данными: он делает заключение об использовании рубанка на Боспоре уже в IV в. до н. э. Прямых свидетельств этого нет, поскольку находки рубанков в целом виде, т. е. лезвие и колодка, датированы периодом Римской империи, но, суммируя данные о величине стружек и об обработке досок, автор приходит к вполне убедительным выводам. Особое внимание уделяется истории пилы, прослеживается изменение форм и технических приемов.

В шестой главе исследуется токарное дело. Рассматривая вопрос о времени и месте изобретения токарного станка, автор приходит к мысли, что токарный станок был изобретен для обработки дерева и возник в конце II — начале I тыс. до н. э. в рамках греческой культуры. При этом существенное влияние на техническую мысль оказали такие открытия, как гончарный круг и сверление при помощи смычкового бурава. Среди материалов Боспора автор находит точеные изделия, датируемые IV в. до н. э. По его мнению, основанному на изучении многих сосудов сложной формы из горо-

дов Северного Причерноморья, здесь существовали станки сложной конструкции со шпиндельным укреплением обрабатываемых предметов. Вероятно, в эллинистическую эпоху стал применяться ножной привод. Все эти наблюдения и выводы, подкрепленные фактами, говорят о довольно высоком уровне техники и материального производства в городах Северного Причерноморья.

Рассмотрев вопрос о развитии токарного дела на Боспоре, автор исследует различные токарные изделия, среди которых, между прочим, значительное место занимала деревянная посуда, выточенная на станке или ручной обработки. В этом, по мнению Н. И. Сокольского, проявилось влияние местных народов — скифов и синдов. Наибольшее внимание он уделяет точеным пиксидам, развитию форм, орнамента и раскраски. В этот раздел книги автор включил список-каталог 103 пиксид из городов Северного Причерноморья, разделив их на шесть групп, и основываясь на твердо датированных экземплярах, предложил датировки беспаспортных изделий. Так же скрупулезно изучаются многочисленные точеные изделия, распространенные в быту (веретена, пряслица, шпильки, футляры для зеркал), и всем материалом главы подтверждается вывод, что в первые столетия нашей эры происходит расширение сферы токарных работ по сравнению с предшествующим периодом.

Седьмая глава посвящена материалам по различным видам резных работ, от простой отделки рукояток инструментов (ложки, ножи, оружие) до более тонкой, художественной резьбы, подразделяемой на скульптурную, рельефную и интарсионно-инкрустационную. Первый вид резьбы употреблялся при изготовлении боспорской мебели, а второй — в прикладном искусстве, особенно при украшении деревянных саркофагов V—III вв. до н. э. Автор исследования разбирает сюжеты в резьбе и специально выделяет греческие, как, например, в Анапском саркофаге. Образцом высокого технического уровня боспорской резьбы автор считает произведения торевтов, для которых резчики вырезали деревянные основы и штампы. Это замечание верно отмечает одну из сторон мастерства боспорских умельцев, на что исследователи обращали мало внимания: успех торевтов в большой мере был обеспечен резчиками по дереву.

Внимательно рассматривает Н. И. Сокольский те памятники деревообрабатывающего ремесла, которые отражают развитие техники инкрустации и интарсии, на многочисленных примерах показывая, как проводилась разметка, выемка углублений и подготовка к вставке в это углубление инкрустации. Высокий художественный уровень резьбы дает основание говорить о мастерстве замечательных мастеров, не уступающих искусству вазонистов и ваяния. В V—IV вв. до н. э. резьба по дереву достигает своего высшего развития, в II—I вв. до н. э. она приобретает наиболее широкое распространение, позже художественное качество резьбы падает.

В восьмой главе собраны и описаны предметы, изготовленные способом плетения, — туалетные и хозяйственные корзины, верши, циновки, основы для щитов. Эти предметы изготавливались из местного сырья — ветвей деревьев и кустарников, корней. Но среди них есть привозные предметы, сделанные из самшита. В книге разбираются технические приемы плетения корзин, используемых не только как тара в сельском хозяйстве, но и при фортификационных работах — сооружении земляных укреплений и валов.

В девятой, последней главе книги Н. И. Сокольский рассматривает вопрос об экономическом значении деревообработки в трех крупных государствах Северного Причерноморья: на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе. Прекращение импорта дорогих саркофагов и мебели привело к увеличению выпуска местных видов мебели, а политическая обстановка на Боспоре во II в. до н. э., по-видимому, влияла на расширение кораблестроения. Значительная роль в техническом прогрессе отводится введению новых железных инструментов, например напильников, а на основании сделанных наблюдений Н. И. Сокольский приходит к заключению, что подъем деревообработки в I—II вв. до н. э. был подготовлен развитием этого ремесла еще в эпоху эллинизма. Автор замечает, что разделение труда в городах было значительным, об этом свидетельствует наличие профессий кораблестроителей, пильщиков, строителей, мебельщиков.

Представляет особый интерес серия декоративных костяных накладок для мебе-

ли, собранная Н. И. Сокольским. Сопоставление отдельных образцов рельефных пластинок позволило автору уловить художественные вкусы горожан. В Ольвии, где обнаружено несколько костяных накладок в виде головки птицы, чувствуется склонность к понийским художественным мотивам, на боспорских резных пластинках с изображением головы Силена заметна варваризация. Возможно, что некоторые из этих пластинок — полуфабрикаты, не получившие окончательной отделки мастера. Владельцами мастерских, по-видимому, были не только свободные граждане общины, но и вольноотпущенники, такие, как упоминаемый автором Сиса, поставивший надгробие со своим именем, но без указания отчества. Некоторые, например кузнецы, работали, вероятно, на верфях, где выковывали металлические части для кораблей. Все эти замечания, основанные на множестве фактических данных, позволяют реальнее представить экономическую обстановку того времени. Автор касается вопроса о ценах на древесину и на деревянные изделия и аргументация, приводимая им, позволяет принять его положения. Н. И. Сокольский выделяет несколько факторов, влияющих на ценообразование: местонахождение сырья, наличие средств транспорта, начисления от различной торговли. Так, труд шильщика и плотника оценивался достаточно высоко, что свидетельствует об его большом общественном значении. Автор приводит цены на мебель в Афинах в конце V в. до н. э., известные по надписям о продаже имущества лиц, обвиненных в поругании герм: ложка продавалась по цене от 6 до 8 драхм и 1 оболы, фанерованное невысокое ложе — за 17 драхм, стол — за 6 драхм и 2 оболы, причем цены на мебель, ввозимую в античные центры Северного Причерноморья из Афин, были выше, нежели цены на мебель местного боспорского изготовления.

В этой главе, как и в «Заключении», обобщены основные выводы всей работы, относящиеся к экономической, социальной характеристике и общественному значению деревообделочного ремесла. Автор считает, что в античных городах Северного Причерноморья деревообрабатывающее ремесло занимало второе место после сельского хозяйства, поэтому изучение экономики античного общества не может успешно развиваться без углубленного изучения роли дерева и его обработки в общем процессе производства.

Нельзя не отметить важности приложения, помещенного в конце книги, оно состоит из двух таблиц, в первой приводятся данные по определению древесины различных образцов, найденных при раскопках античных поселений в трех районах: на Керченском полуострове, в дельте Дона и на Таманском полуострове. Эти образцы, сохранившиеся в виде углей или кусков древесины, являются преимущественно фрагментами строительных конструкций, балками перекрытия, полами, бревнами от могильных сооружений. Было проведено около 360 анализов. Вторая таблица включает определения древесины самых различных деревянных изделий, хранящихся в музеях нашей страны (около 300 образцов). Таким образом, за лаконичными данными таблиц стоит огромная работа по отбору материала, проведению анализа и организации всего процесса.

Книга Н. И. Сокольского является крупным вкладом в науку об античности. Она по-новому освещает историю одной из главных отраслей производства — деревообрабатывающего ремесла, раскрывает новую страницу истории культуры античных государств Северного Причерноморья. Эта ценная монография представляет собой образец научного исследования, построенного на исчерпывающем использовании материала, и войдет в основной фонд нашей археологической литературы.

И. Д. Марченко